

63.3 (4 Сер)

В 64

В. Е. ВОЗГРИН

ИМПЕРИЯ И КРЫМ— ДОЛГИЙ ПУТЬ К ГЕНОЦИДУ

63.3(4чкр)

В. 64
1/100

В. Е. ВОЗГРИН

1

ИМПЕРИЯ И КРЫМ — ДОЛГИЙ ПУТЬ К ГЕНОЦИДУ

Давно уже начало мести с севера, и метет, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже.

М. Булгаков. Белая гвардия.

Эй, Хаджи-Мурат, сдавайся! Нас много, а вас мало!

Л. Толстой. Хаджи-Мурат.

758250

Уникальность судьбы крымских татар в до- и послереволюционный периоды не всегда очевидна. Далеко не все, к примеру, оценивают акт депортации 1944 г. как единственный случай в истории Европы, когда один из ее народов был целиком выброшен на другой континент (впрочем, не целиком, почти половина людей при этом была уничтожена разными способами). Столь же уникальна кампания по тотальной ликвидации культуры коренного населения Крыма и замене ее славянской. Аналогий здесь не сыскать ни в истории европейской цивилизации вообще, ни в наборе методов и средств европейских колонизаторов.

Многовековая история русско-крымскотатарских отношений вступила в XVIII в. в период геноцида, в ходе которого инокультурный сосед, колонизовав Крымское ханство, попытался стереть с этнической карты мира не только один из европейских народов, но и его следы в виде социальных, культурных, экономических традиций и даже топонимики исторической родины крымских татар.

Поиски причин и истоков любой акции подобного масштаба, но не столь редкостной, более типичной, имеющей аналогии, вряд ли потребовали бы особо широкого сюжетного охвата или необычно глубоких экскурсов в пласты истории. Нас же принуждает к этому, во-первых, сама длительность, затянувшегося на столетия геноцида (ее объяснить очень непросто), а, во-вторых, — малоисследованность истории крымских татар, результат чего — слабое знакомство с ней читателя и неверные о ней представления. Поэтому мы начнем этот очерк с времен весьма почтенных.

I.

Прежде всего следует остановиться на «историческом факте» некоего пришествия крымских татар на полуостров в XI — XIV вв. Здесь нужно вспомнить о том, что Крым с его благословенным климатом и щедрой природой стал местом обитания человека ранее многих других мест на Земле. Уже в эпоху палеолита он был плотно заселен, и в дальнейшем население полуострова только увеличивалось. Древнейшие из известных истории народов Таврии, киммерийцы и тавры, донесли до античных авторов свои предания и легенды — и ни в одной из них не говорится о какой-либо катастрофе, заставившей аборигенов покинуть свою древнюю родину. Ну, а позднее, крымцы уже не выходили из сферы внимания историков соседних стран — и ни один из них, начиная с Геродота, также не отмечает массового исхода из Крыма.

Вывод о сохранении в предгорье и горах основной массы коренных крымцев подтвержден и современной наукой. Согласно кефалометрическим исследованиям материала последних трех тысячелетий, все найденные вне степной зоны черепа принадлежат к одному и тому же, бесспорно европеоидному типу.

Тип при этом подвергся минимальным изменениям и в условиях многовековой иммиграции. Часть пришельцев (скифы, греки, сарматы, римляне, готы) были теми же индоевропей-

цами, хоть и говорили на разных языках. Господство натурального хозяйства и слабые товарообменные связи между селами и усадьбами сохранили это разделение языков на века. Исключением была степная часть полуострова, где среди мобильного кочевого населения (также европеоидного типа) уже в VI в. н. э. возобладал единый тюркский (Кыпчакский) язык.

Совершенно иная социально-экономическая картина сложилась на побережье. Географическое положение Крыма на скрещении важнейших торговых путей древности (Балкано-кавказского, Причерноморско-малоазийского и Великого шелкового) обусловило раннюю колонизацию берегов греками, римлянами, готами и иными представителями народов, славившихся своей политической и экономической активностью.

Но Крым был не только транзитным центром, перевалочным пунктом. Уже накануне нашей эры здесь было развито производство товарного хлеба, на экспорт шло и огромное количество рыбы, вина, кожи, изделий из металла и керамики. Некоторые отрасли намного опережали аналогичное производство в соседних и не столь близких странах. Это объяснялось и предприимчивостью колонистов и расположением полуострова на узле коммуникаций: крымцы, имея огромный выбор, осваивали самые передовые и перспективные методы обработки сырья, инструменты, лучшие сорта сельскохозяйственных культур, самые интересные направления в прикладном искусстве и культуре вообще. При этом культурный обмен шел не столько со странами все еще варварской Европы, сколько с территориями угасавших великих цивилизаций Азии и Африки.

В свою очередь Крым античной эпохи и позднее играл огромную роль в культурной истории европейской цивилизации. В этом космополитическом центре представители европейских народов входили в прямой контакт с религиями, литературой, искусством остального мира — это была пора, когда о непосредственном проникновении этих культур в Европу еще и речи быть не могло.

С приходом римлян (I в. н. э.) в Крыму возникает новая, урбанистическая форма обитания, зарождается тип промышленного города. Под защитой римских трирем безопасным становится мореплавание, а полуостров — ядром сместившегося в восточные провинции центра тяжести экономики огромной империи. Именно здесь, на периферии, столкновение средиземноморского и континентального евразийского миров высе-

кает ослепительную искру новых, невиданных ранее экономических и социальных отношений. Местные торги манят землевладельцев, маклеров, купцов возможностями быстрого обогащения. Здесь в одночасье возникают огромные состояния, совершаются крупные оптовые сделки, а цены на зерно, кожи и рыбу уже пустились в свой вечный, аритмичный до безумия, в свой неутомимый танец.

Темпы жизни в Крыму ускорились, экономические процессы шли все быстрее. Именно тут старые, окостеневшие отношения, еще годные стылому имперскому миру материка, не выдерживают удара свежих волн и безнадежно ломаются. Количественные изменения экономики переходят в социальные метаморфозы, качественные, естественно, и во II в. н. э. в Крыму навсегда исчезает отмененный сверху рабский труд.

Так некогда полуколониальная провинция на столетия обогнала в социальном развитии метрополию. Рим из последних сил цепляется за рабовладение, прилагает огромные усилия для его сохранения (эта агония устаревшего способа производства продлится еще 2—3 века), а Крым уже свободен: местные практики давно обсудили на своей варварской латыни теорию нерентабельности рабского труда и, согласно ее отменили. Древний мир угасал повсеместно, но заря грядущей великой эпохи, Средневековья, загорелась на Востоке, где Таврида первой в Европе дала свободу своим рабам.

Выше говорилось, что социальное и экономическое развитие шло быстрее на побережье. Однако со временем переменны распространились на всей территории складывавшегося крымского этноса. Аккультурации содействовали и внутрикрымские миграции и обычаи князей местных племен жить в городах, а римских магнатов — выезжать на лето в степь, где для них ставились шатры типа скифских. Очевидно, эта практика, а также само совместное проживание массы разноплеменных и разноязычных горожан и сельских жителей закрепляли старую крымскую традицию национальной и религиозной терпимости. Черты толерантности, гораздо позже ставшие характерными для национальной психологии крымцев (мусульман и христиан), не были чем-то искусственным или насосным. Их истоки — в древней истории Крыма. Без них было бы попросту невозможным существование на полуострове, издавна обжитом этнически уникально пестрым населением.

Процесс иммиграции на римлянах не закончился. В III—IV вв. в Крым вошли готы, затем гунны, потом хазары и ма-

дьяры, печенеги и половцы и т. д. Но те из пришельцев, что осели и растворились в массе коренного населения, принимали, судя по памятникам, основные обычаи и традиции крымцев. Это же можно сказать и о двух последних по времени крупных волнах средневековой иммиграции — генуэзско-византийской и ордынской (XIII в.).

Крым привлек итальянцев и степняков по различным причинам. Первых соблазняла беспощадная торговля и аграрные возможности Крыма. Что же касается чингизидской державы, то ее централизация, приобретение законченных феодальных черт, рост численности административного аппарата и т. п. требовали выхода из широкой, но однообразной (т. е. по сути замкнутой). Степи в открытый мир, доступа к его экономическим и культурным сокровищам. Только так, путем усвоения материальных и духовных сокровищ цивилизованного мира, могли быть удовлетворены новые потребности ордынского общества, его элиты.

Но Крым обладал качествами, которые без сомнения в равной степени были заманчивы для посланцев и Степи и Великого моря. Одна из этих черт — легкость, с которой пришельцы могли входить в общественную жизнь полуострова, не знаящего конфликтов на почве различий в вере, языке или крови. Вторая такая черта — цветение поликультурных городов-портов и ремесленных центров Крыма, которые были великолепно «подготовлены» для осуществления близившегося неизбежного контакта двух глубоко чуждых, но тянувшихся друг к другу миров: Степи и Моря.

Так произошла третья великая встреча цивилизаций Земли. Снова в Крыму и снова с эпохальными результатами. Начался очередной экономический подъем и расцвет новой культуры, быстро распространившейся на все Причерноморье и на не столь близлежащие страны, а в конечном счете — на всю европейскую цивилизацию.

На территории полуострова перемены выразились прежде всего в ломке натурального хозяйства крымских захолустий. Установился всеобщий товарообмен, впервые стала насущной потребность в едином языке общения. Им стал тюркский: во-первых, один из его диалектов и ранее бы едва ли не самым распространенным, во-вторых, это был язык сравнительно немногочисленной, но обладавшей административными полномочиями ордынской духовной и светской власти. Постепенно тюркский праязык заменил все остальные — на нем стало говорить коренное население, потомки греков, готов, итальян-

цев и т. д. Не столь быстро исчезли различия в вере, но уже в XV в. преобладающим стало мусульманство (на большей части территории Крыма).

Таким образом, вряд ли стоит приписывать ордынцам, проникшим на полуостров в XIII в., решающую роль в лингвистической и конфессиональной унификации населения полуострова. Сравнительно немногочисленные, они явились не более чем катализатором, инициировав основную фазу этногенеза крымскотатарского народа. Феномен в истории нечастый, но и не уникальный: тот же процесс наблюдался, к примеру, в Центральной Америке после Конквисты. Многочисленное разноязыкое индейское население приняло здесь от завоевателей испанский язык и католическую веру, но называть по этой причине мексиканцев испанцами столь же ошибочно, как крымских татар — потомками Орды.

Сравнительно с коренным населением ордынцев было так мало, что, обитая в степной части полуострова, они не смогли оказать никакого влияния ни на экономику, ни на основные традиции крымцев. И даже конфликты древних, домовульских обычаев с исламом не всегда кончались победой последнего. Причем не только в суверенном Крымском ханстве (т. е. до 1470-х гг.), но и позже, когда оно попало под протекторат исламской Турции, чей султан стал надолго духовным халифом крымскотатарского народа.

2.

Крымское ханство, никогда не знавшее «границы на замке», так ею и не обзавелось. Открытым оставалось и общество. Письменные памятники свидетельствуют о высокой социальной и экономической мобильности крымцев эпохи ханства. Здесь, в отличие от феодальных Европы и Азии, во-первых, правовой статус не был наследственным, свободно менялся, а, во-вторых, социальные категории не были идентичны категориям правовым: роль последних была ничтожна. Зато высока была возможность альтернативы, способности менять свое положение в обществе. Рынок был свободен, как и конкуренция, как и средства производства — даже земля в бейликах не являлась частной собственностью беев, на ней практически имел право осесть любой желающий. Свободная конкуренция (в ее расширительном понимании) была основой индивидуальной свободы. Государство не имело возможности подавлять индивида, так как отсутствовал идеал «соборнос-

ти», досконально исполнялось основное положение шариата о всеобщем равенстве, прежде всего правовом. Военная служба не была обязательной, чем широко пользовались крымцы-христиане, но не только они. Естественными и привычными были свобода передвижения, слова, идеологии, различных объединений (вольные цехи, купеческие корпорации, союзы молодых горожан и т. п.).

Ни вера, ни происхождение, ни национальность не ставили никаких ограничений или препон: даже у ханов ближайшими советниками, казначеями, военачальниками служили давние и недавние иммигранты различных вероисповеданий. Имущественное неравенство слабо отражалось на межличностных отношениях. Это была прочная традиция — и в XIX в. обычной была картина, когда простой чабан входит в гостиную своего хозяина без приглашения «в своих буйволовых сандалиях, с достоинством закуривает, опустившись на ковер, свою трубку и протягивает руку к стоящему угощению, не сомневаясь нисколько, что имеет на него равное со всеми право» (Марков Е. Л., 1902, 312).

Отсутствие внеэкономического принуждения (татары так и не узнали крепостничества), личная свобода, свободный труд, благодатные природные условия полуострова позволяли крымцам не только безбедно существовать, но и успешно развивать национальную культуру. Ее своеобразие, яркость и богатство во многом обуславливались факторами непрерывности, эффективным механизмом преемственности. Иммигрантские культуры, не исчезали бесследно, но становились общекрымским духовным достоянием, длительное время сохраняясь в виде множества локальных субкультур. Эти мозаичность, культурный полицентризм позволяли сжато, но точно определять Крым как «концентрированное Средиземноморье».

Уже в Средние века просвещение стало поистине народным. Не было в Крыму села без начальной школы-мектебе при мечети, поэтому грамотность была всеобщей — результат, которого не все из остальных стран Европы добились и в Новое время. Дальнейшее образование можно было получить в одном из крымских духовных университетов-медресе, готовивших юристов, медиков, астрономов, богословов, проповедников, чиновников и творческую интеллигенцию широкого профиля.

Развивалось книжное дело; увлечение поэзией было массовым, как и патристика (причем не только в городах). Второе, после просвещения, завоевание ислама — распростра-

нение идей гуманизма иного типа, чем в других странах средневековых Западной и Восточной Европы. Отличие заключалось в том, что прагматики-крымцы переместили свое внимание с чисто религиозно-духовного мира на осмысление места и роли человека в мире земном. Сложилось отношение к индивиду как к самодовлеющей ценности, а не только как к субъекту веры или, тем более, верноподданнической идеологии. Высоко ценились индивидуальность, духовная автономность (признавалось право на выбор любой монотеистической конфессии), несовместимые ни с «общехристианским тоталитаризмом» (А. Тойнби), ни с уже упоминавшейся православной нивелирующей соборностью.

Корни этих гуманистических воззрений тянулись не только с исламского Востока. Они восходили и из местных домусульманских традиций конгломератного открытого общества купцов, мореходов, вольных скотоводов и землепашцев, свободных ремесленников, художников и философов — всех тех, чей авторитет и благосостояние зиждились на собственном трудолюбии и профессиональном совершенстве. Это характерно для некоторых иных культурно-экономических «перекрестков мира» с этнически смешанным населением, например Сицилии, но далеко не для всех. В Испании, схожие пограничные условия (она была «кулаком христианства», вдвинутом глубоко в мусульманский мир, а Крым — мусульманства в среде христианских стран) вызвали беспредельные по жестокости акции инквизиции против инаковерующих, закончившиеся физической ликвидацией последних или их устраниением с Пиринейского полуострова.

Но и на вполне веротерпимой Сицилии редкая толерантность ее общества насаждалась все же сверху, ее королями. А когда эта власть ослабевала (1161-е, 1250-е гг.), то началась христиано-мусульманская резня не хуже, чем в Испании. В Крыму же за полутысячелетнюю историю ханства не отмечено не только ни одного погрома иноверцев, но и попыток к нему и просто межнациональных конфликтов. Крымские ханы были политическими, военными, но отнюдь не идеологическими вождями; они не видели в соседях-христианах естественных врагов. Не было в Крыму и военно-религиозных групп (ордена муттавинов, газы и пр.), известных своим фанатичным неприятием иноверцев.

У Крымцев всех вероисповеданий были общие святыне (Георгий, Николай, дева Мария), имелись места совместного паломничества, дервиши славляли великого пророка Иису

(Христа) и т. д. Современников поражало то, что ханы круглый год ставили свечи Успенской божьей матери (Лызлов А., 1990, 117) сотнями насчитывались семьи татар-христиан, смешанные мусульманско-христианские кланы. Из двух братьев одного могли крестить, другого — обрезать, такие случаи исключительными не были (Маркевич А. И., 1910, 530, 541), как и смена веры, что в соседних России и Турции считалось тяжким преступлением и жестоко каралось.

Подобная картина жизни традиционного крымскотатарского общества с веками почти не менялась, хотя Крым не был изолирован от остальных европейских стран. Оказывая мощное благотворное влияние на культуру, духовный мир и экономическому соседних держав, он и сам не отгораживался от иностранных достижений, если их стоило заимствовать.

Вопрос о том, насколько глубоко был процесс крымско-западно-европейской аккультурации, что в нем было поверхностным, а что — фундаментальным, придется пока оставить открытым (он не исследован, как и столь многие иные проблемы истории крымских татар). Но сам факт сближения этих двух моделей развития общества и культуры бесспорен; оно шло тем заметней, чем больше слабела Турция, нередко лишавшая Крым права самостоятельного выбора.

Такой была, например, эпоха Крым-Гирея (1758—1764 гг.), одного из последних ханов, когда Бахчисарай освободился от османского диктата и во внутренней, и во внешней политике. Почитая свой престол не ниже султанского, этот хан создал систему собственных дипломатических связей с другими европейскими государями, в том числе с Фридрихом II Прусским. При этом Гирее хан-сарай стал центром просвещения, обителью муз, форпостом науки. Здесь, в богатейшем собрании рукописей и книг ханской библиотеки работали зарубежные ученые, во дворце шли философские диспуты, читались лекции.

Крым-Гирей глубоко интересовался европейскими системами правления, был поклонником учения Монтескье. Привлекала его и европейская культура. Он коллекционировал живопись, скульптуру, страстно любил европейскую музыку и театр. При дворе регулярно давались концерты и представления — имелись постоянная татарская музыкальная капелла и труппа французских актеров, игравших чаще всего Мольера, чьи комедии специально для крымского владыки приказал переводить своему личному переводчику Людовик XV. Из точных наук более всего времени Гирей уделял химии, физи-

ке и астрономии. Вполне, в духе времени он культивировал передовые экономические учения, стремясь ввести хозяйство страны в более рациональные структурные формы. Он практиковал протекционистскую политику по отношению к экспортируемым товарам, прежде всего хлебу, вел геологические изыскания, стараясь избавить экономику от импорта сырья; в животноводстве велись селекционные работы. При нем планировалось или велось обширное дорожное или портовое строительство — в частности для создания коммуникаций заперекопским поданным-ногаем, которых он привлек к производству товарного зерна.

Преемники великого хана пытались продолжить его дело, но дни ханства были сочтены. Близилась аннексия Крыма Россией, повернувшей его с органичного пути развития на совершенно иные рельсы.

3.

По подсчетам историков за столетия, прошедшие до начала прошлого века, в Крым иммигрировало свыше 30 крупных этнических групп известных науке. В их число не входят восточные славяне (предки русских, украинцев, белорусов), так как целью их походов, начиная с VIII в. была не иммиграция, а военная добыча. Итак, звон славянских мечей огласил побережья Тавриды за 5 веков до того, как здесь сложился крымскотатарский этнос. Затем предки татар отбивали нападение славян с моря (поход Аскольда и Дира, 840 г.), со стороны Тамани (913—914 гг.), пережили оккупацию Херсонеса и Кафы киевским князем Владимиром (988 г.) и т. д. Лишь выдвижение в Причерноморье печенегов прекратило славянские набеги. На этом первое знакомство крымцев с северными соседями закончилось.

Ничто не говорило о том, что оно когда-либо возобновится. Столетие шло за столетием, а Крым и окрепшие после изгнания татаро-монголов (крымцев среди последних отнюдь не было) восточнославянские княжества были заняты иными, не южными внешнеполитическими проблемами. Так что точек соприкосновения у русичей и крымцев пока почти не было. А когда они появились (конец XV в.), то оказалось, что у Крыма и Москвы — общие друзья и общие враги, после чего две державы вступили в военный союз, прошедший испытание и битвами и временем.

Разрыв союзных отношений произошел в 1507 г., когда

татары вышли в поход на города Северной Украины, 11 из которых с недавнего времени оказались под властью московского князя. Так началась история «крымских набегов на Русь», полуторавековая эпопея военной активности, направленной на сей раз в противоположную сторону, уже с юга на север. В остальном же обе серии походов-набегов, разделенных несколькими веками, обладали рядом поразительно схожих черт. Основная из них: ни славяне конца I тысячелетия н. э., ни крымские татары середины II-го не ставили себе задачей захват и удержание чужой территории (отдельные робкие и неудавшиеся попытки Владимира Святославича не в счет). Особенно рельефен этот феномен в татарской политике: даже имея полную к тому возможность, крымцы регулярно уходили в свои пределы, не присваивая ни города, ни малого села.

С обеих сторон это были походы с целью захвата добычи — занятие для той эпохи не только вполне заурядное, но и довольно почтенное (особенно для дворян, начиная с английских и кончая японскими). А вот в чем нельзя было обвинить ни князей, ни ханов — так это в экспансии, то есть в войнах, имевших целью лишение соседних народов политической независимости посредством захвата их территории.

В этом смысле гораздо болеестораживающими были новые, внешне менее бросающиеся в глаза инициативы. Еще в 1502—1503 гг., когда русско-крымский союз был вполне прочен, и уж во всяком случае «до открытых военных столкновений с Крымским ханством» (Каргалов В. В., 1974, 27), Москва начала свое продвижение на юг — тогда и были захвачены упомянутые 11 городов с целью отнюдь не ограбления, но создания в них опоры для дальнейшей экспансии по направлению к Черному морю.

Эта грандиозная политическая задача одновременно получила и идеологическое обоснование. На Руси распространяется учение о библейском Мосохе-основателе Москвы, о великой миссии русского народа, призванного объединить всех (в том числе причерноморских) славян в единую державу («Москва — третий Рим»)¹.

Что же касается «набегов крымских татар», то в них са-

¹ Подробнее см. в: Возгрин В. Е., 1992, 226—227. Уже после завершения данного труда вышло новое исследование, подтверждающее выводы автора о времени распространения указанных идей на Руси (см: Паламарчук П., 1991, 23).

ми крымцы, то есть жители Крымского полуострова, вообще почти не участвовали. Им не позволяли этого как прочные традиции упорного труда на своей земле и в море, так и особенности оседлой экономики — ни сад, ни виноградник, ни посевы нельзя было оставить даже на неделю, а большие набеги длились месяцами. За Перекоп ходили лишь не связанные хозяйством воины личной гвардии хана или беев, да слуги или батраки «вроде птичников, то есть поденщиков или рабочих, да и большинство тех-то были не татары, а кто домашки, ...кто разбойники, которые бежали.. и переоделись татарами, кто черкесы, кто русские и молдоване. Среди подобного разнovidного сброда много ли татар, которые видели сражение? Не наберется и одного из тысячи» — пишет очевидец таких набегов (Цит. по: Смирнов В. Д., 1887, 319). Основную же часть крымских хозяев ханы оставляли в покое и «довольствовались только обложенным данью за право не выезжать» (Хартахай Ф., 1866, 207).

Кто же составлял основную массу участников грозных походов? Те поданные хана, что жили в бескрайних заперекопских степях, ногаи-кочевники, хозяйство которых ничуть от набегов не страдало. Десятки тысяч их с готовностью становились под бунчук крымского хана, оттого набеги эти и получили исторически не вполне корректное наименование «крымских».

В общей сложности длились они недолго — полтора века. Во второй половине XVII в. уже не отмечено ни одного крупного набега — их историческое время истекло. Это было чутко уловлено уже современниками, заметившими, что «татары ныне уже немало сих грубых обычаев оставляючи, **человечнейши** (подч. нами В. В.) обретаются, к трудам и нуждам неизреченно терпеливы суть» (Лызлов А., 1990, 126).

Поэтому когда на исходе XVII в. Москва вновь активизирует свою антиатарскую политику, то объяснять ее можно многими причинами, кроме одной — агрессивности Крыма.

Первые признаки возобновившейся после долгого перерыва экспансии России в южном направлении заметны уже в 1670-х гг., когда начальник Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин пытался сколотить новый крестовый поход против «бусурман», считая, что его не только России и Польше «иметь достойно», но и всем великим государям христианским то дело потребно» (Галактионов И. В., 1979, 385). Со своей стороны Россия готовилась к подобному походу, пос-

тепенно продвигая все дальше на юг так называемые засечные черты, то есть линии крепостей. Большую засечную черту сменила Белгородская, потом и она оказалась за спиной у русских, занявших своими гарнизонами не только Киев и Белую Церковь, но и Умань, Брацлав, Корсунь. Затем была возведена следующая, Изюмская линия, совсем на юге Украины. Цепи крепостей обросли посадами, заселенными русскими ремесленниками и крестьянами. Так было ликвидировано слабое место русских походов на юг — отсутствие тылового обеспечения и поддержки. Бахчисараю готовилась участь Казани и Астрахани. Начиналась неприкрытая агрессия на которую не принадлежавшие России крымские земли.

В 1687 г., перед началом военных действий, Москва выдвинула Турции ультиматум: «уступить России Крым и обе крепости, запиравшие выходы в Азовское и Черное моря... далее — всех татар из Крыма выселить» (Богословский М. М., 1940, 207). Так Россия впервые и перед всей Европой заявила свою программу крымской политики.

Первую часть ее, по словам М. Богословского, удалось осуществить «ровно сто лет позже императрице Екатерине II». Сам ученый не дожил 15 лет до осуществления и второй ее части — в мае 1944...

Для татар ультиматум имел ту ценность, что отныне они уже абсолютно точно знали, на что могут рассчитывать в случае победы России на юге. Вернее, что им будет не на что рассчитывать.

Петру I при всех его стараниях покорить Крым не удалось; его вклад в эту задачу носил скорее теоретический характер: когда в 1736 г., уже при Анне Иоанновне, фельдмаршал Миних овладел степной частью полуострова, он, применив тактику Петра в Лифляндии, полностью выжег степные селения. Затем пришел черед Бахчисарая: «какие ни обрелись в домах пожитки или приборы, отданы солдатам в добычу, и все строения выжжены. Дворец хана равномерно в целости не оставлен... Все сие толь великолепное здание в несколько часов разграблено и в пепел обращено». (Миних Э., 1891, 54). Тогда же погибли совершенно уникальные по древности и богатству архив и библиотека ханов — национальное достояние народа.

О человеческих жертвах вообще страшно говорить: все, от мала до велика, кто не успел бежать в горы, были убиты (Вольфсон Б., 1941, 61). Груды трупов на улицах и дорогах некому было убирать, появились очаги заболеваний. В ре-

зультате зверства русской армии обратились против нее сама — эпидемия унесла 27,5 из 30 тыс. солдат, вступивших в Крым (Журопаткин А. Н., 1910, 438).

На следующий год поход возглавил фельдмаршал Ласси. Его солдаты прошли с факелами в руках всепредгорные долины Крыма, поднялись в горы, где рассеялись во все стороны разорять и жечь» (Соловьев С. М., X, 428). Всего было полностью ликвидировано около тысячи городов и деревень.

Затем иные дела отвлекли Петербург от «крымской проблемы», но ненадолго. Уже в 1771 г. согласно новой (по времени, но не по духу политической) концепции Россия планировала «ныне же без всякого отлагательства» крымских татар «тем же нашим победоносным оружием ...совсем в самом бытии истребить и земли их вконец опустошить, как такой народ, от которого никакой пользы, ни выгоды... быть не может» (Ульяницкий В., 1883, 157—166).

Летом того же года на полуостров вторглась армия Долгорукого, повторившего подвиги Миниха и Ласси. «Разорив много городов до самой Кафы», он установил новый порядок, опираясь «более на живущую в Крыму раю (немусульман — В. В.)» (Маркевич А. П., 1897, 29). Христиане получили от Долгорукого угоды, мастерские, жилища переселенных или изгнанных татар. Из благодарности они воздвигали позже своему благодетелю многометровый обелиск, донныне высющийся в Симферополе на ул. Жуковского. Так был найден метод раскола тысячелетнего единства крымцев, который не приходил до того в голову ни одному из завоевателей: нужно было просто одаривать одних имуществом других. Этот опыт 1770-х гг. применялся и в XIX в., не забыт он и в наши дни.

Пройдя недолгий период вполне фиктивной «независимости» под властью петербургской марионетки Шагин-Гирея, в 1783 г. Крым был присоединен к России. Итак, первый пункт имперской программы был выполнен. Ко второму приступили не откладывая; началась поэтапная депортация коренного населения. В 1779 г. А. В. Суворов выселил в Приазовье крымцев-христиан (31 тыс.), в которых более нужды не было — их собственные и освоенные ими были татарские земли тут же перешли к русским чиновникам, вельможам, царским фаворитам и фавориткам. К татарам был применен более дешевый метод — их стали всячески притеснять, обезземелить, отчего нужда и голод тут же приняли такие гомеорические размеры, что на рубеже XIX в. началась «добровольная эмиграция».

Власти ей не препятствовали: в 1803 г. большинство крымцев получило выездные паспорта. Однако в последний момент кто-то в Петербурге понял, что массовый выезд был бы несвоевременным: без коренного населения Крым был обречен на запустение. Завоз русских крестьян пока себя не оправдывал — они были беспомощны в чуждой экологической среде, оказались неприспособленными к традиционному хозяйству края, бедствовали, бежали назад, в Россию. Поэтому временно приходилось мириться с татарами — но не с их традициями, культурой, мировоззрением, экономической независимостью.

Ликвидировать последнюю было легче всего. Когда основная часть хозяйственной территории была отобрана пришельцами, татарам оставалось идти к ним в кабалу на любых условиях. Крымцы были теперь вынуждены арендовать свои же земли, расплачиваясь нефиксированной барщиной. А после частной недвижимости пришла очередь вакуфной¹ — и она постепенно ушла в чужие руки.

После аннексии, с упадком богатого и щедрого мурзачества, с ликвидацией ханского и государственного доменов вакуфы стали единственным источником социального и культурного обеспечения, ведь Россия не выделяла на эти нужды чуждого ей народа ни копейки. Теперь впервые в истории Крыма стали отчуждаться и вакуфы, это поистине всенародное достояние, дорогое сердцу каждого татарина. В конечном счете они исчезли полностью, культура и просвещение остались без последней своей поддержки.

В этой связи возникает вопрос — стоит ли относить отчуждение вакуфов к мерам по ликвидации крымскотатарских культурных традиций, не было ли это обычным экономическим ограблением новой колонии? Увы, что это не так доказывают иные, параллельно проводившиеся акции, не только не приносящие империи доходов, но и стоившие немалых трудов и денег, а значит необходимые по внеэкономическим причинам.

¹ В этот разряд имущества входили обширные участки пашни, сады, виноградники, пастбища, мельницы, гостиницы и т. п. Вакуфы складывались веками из пожертвований и завещаний, являясь общенациональной собственностью. Весьма значительные доходы от них шли на поддержку бедности, содержание школ, и т. п. Вакуфы были именованы в честь святого Стефана, ими оплачивалось содержание приходских школ, обучение крымцев за рубежом, уход за древними памятниками, пастбищами, памятниками и т. п.

В 1833 г. по всему полуострову были собраны все книги, новые и старые, которых в этой стране сплошной грамотности имелось огромное количество. Воедино были сведены и коллекция рукописей (среди которых были и древние и сохранившиеся в единственном экземпляре), летописи и хроники, эпические и поэтические сочинения, исторические и философские трактаты. После этого все собранное было сожжено (Кричинский А., 1919, 35).

Так одной акцией была уничтожена важнейшая составная часть культуры народа, его запечатленная мысль, духовный опыт, национальная история. Это событие стоит особняком в истории колониализма, оно уникально. Такое не могло придти в голову ни британцам, ни иным, самым жестоким носителям «бремени белого человека».

Но еще оставалось слово живое. Такие авторитетные и образованные представители народной интеллигенции, как муллы, шейхи, кадии и иные хранители традиций продолжали нести культуру в массы; большинство из них преподавало в национальной школе — от приходской до высшей. Общедоступность, бесплатность этой школы были особенно «опасны», и ее стали прикрывать, высылая преподавателей-мулл за пределы Крыма, чаще всего в Сибирь.

Это было дорого, да и на место учителей становились ученики, что могло длиться бесконечно. Дешевле было уничтожить эти живые источники мудрости и традиции, но народ причислил бы их к сонму мучеников и святых, что привело бы к обратному результату. И все же был найден метод, оригинальность и тонкость которого делает честь российским властям: мулл, среди которых было немало почтенных старцев, стали подвергать поркам. Сечь всенародно, на местах проживания и в непрерывном присутствии старейших жителей и должностных лиц. Был выработан специальный регламент этих экзекуций: в нем указывалось, что в Симферополе, например, при этом позорном действии должно было присутствовать и русское и татарское дворянство и т. д. (там же, 5—8). Порка духовенства была введена в 1788 г., дата отмены ее не установлена, но и в 1875 г. мулл-преподавателей еще ссылали с вечным запретом возвращаться в Крым.

В обратном направлении шло переселение славяноязычных крестьян; инокультурное наступление выражалось в «импорте» крепостного права (не для татар), русификации просвещения, делопроизводства. Быстро завершалось и чисто экономическая экспансия. В результате передела земли у татар

были прежде всего отобраны самые ценные территории на Южном берегу, в долинах Салгира, Байдарской, Бельбекской, Качинской. По словам современника, в лучшем положении оказались те крымцы, что «жительствова на местах невыгодных, не попали под иго милостей» новых хозяев полуострова, в остальном же «почти все досталось шутам и угодникам» царей (Мертваго Д. Б., 1867, 179).

Нашлись и теоретики обезземеливания татар вроде графа Мордвинова. Он постоянно напоминал Петербургу, что аборигены, несмотря на их покорность, в душе нелояльны «по новости их усыновления и вечно враждебной, напротив того, их к христианам ненависти». Землю им нельзя оставлять и потому, что «отобраны были у них повсеместно всякие орудия и лошади» (Мордвинов Н. С., 1872, 201). Так крымских татар, «виновных» в том, что незваные пришельцы лишили их средств производства, обрекали на ускоренное вымирание.

Прямой этот геноцид дополнялся пагубным вмешательством в саму систему древнего крымского биоценоза, в природу и экологию края. Инокультурные иммигранты, распыляли пахотную землю, в упадок пришло огромное количество источников, ранее орошавших степь, высохшие пашни заросли бурьяном, дичали окультуренные лесосады. С первых месяцев аннексии и «лес стали рубить без разбору. Не пощажены огромные деревья ореховые, грушевые, яблонные и прочие... Как осину и березу рубили все, что находилось поближе» (Мертваго Д. Б., 179).

Из-за подобной экономической политики голод становился постоянным явлением. Угроза смерти толкала коренное население на эмиграцию; этих демографических катастроф было в Крыму немало — только великих исходов (то есть охватывавших более трети жителей) было три: сразу после аннексии, в 1860-х и в начале XX в. По самым скромным подсчетам крымскотатарская диаспора лишь в Турции всемерно превышает число крымских татар, разбросанных ныне по странам СНГ.

Сопrotивление обреченного народа было незначительным. Лишь в начальный период колонизации отмечено несколько мятежей местного значения, жестоко подавленных. В дальнейшем же обычное «за подозрение в агитации или симпатиях к Турции наказывались беспощадно. Умиротворение края произошло только после истребления значительной части татар» (Вольфсон Б., 1941, 63),

Точное число жертв карательных акций нам не известно

— его скрывали с самого начала Утаивались и особенности принятых мер, очевидно, страшных даже для того жестокого времени (обычно секрета из методов подавления крестьянских волнений не делалось). Так в донесении из Карасубазара от 28 апреля 1783 г. читаем: «Экзекуция продолжалась тайно от его сиятельства, и еще над некоторыми преступниками, при коей и упомянутые 46 человек наказаны казней, битьем плетью и некоторым урезанием ушей» (там же); то есть остальные, неупомянутые кары, были судя по умалчанию о них перед «его сиятельством», еще более зверскими.

Были жертвы и, казалось бы, не направленной конкретно против татар, общей имперской политики. Следующей ее целью (после Крыма) был Стамбул, проливы, острова Архипелага (Шнейдер Д. С., 1930, 43; Соловьев С. М., 1862, 24 и др.). Но полем битвы в очередной схватке агрессивной империи с ее противниками, было предназначено стать многострадальному полуострову. Если Крымская война стоила жизни тысячам русских солдат и офицеров, то их доля в многомиллионном населении империи составила ничтожно малую величину. Гораздо заметней был удар, нанесенный войной экономике огромной державы, русскому народу. Но обе эти утраты несравнимы с катастрофой, обрушившейся уже в первые месяцы войны на крымских татар.

Вначале власти конфисковали скот; оставшееся стали добирать мародеры, в основном казаки. Они же «беззастенчиво опустошали, если удавалось отыскать, хлебные ямы» (Стулли Ф. С., 1894, 507, 517) — скот и зерно лихие донцы продавали как «трофеи» армейским интендантам. Со временем поставленные на грань голодной смерти крестьяне стали больше, чем «западных иноплеменников» опасаться «наших казаков и даже солдат» (Марков Е. Л., 1902, 95). Последние «на весь Крым смотрели как на изменников. Под этой фирмой они угоняли стада овец, выжигали целые деревни... они врывались в дома как завоеватели, били зеркала, кололи перины, мебель, отыскивая сокровища (?). Если собирались где кучка татар человек в 20, в нее стреляли. Это тоже была измена» (Ук. соч., 106).

На деле же в период оккупации части Крыма союзниками, когда к «измене» русским колонизаторам создались уникальные условия, не было **ни одного** случая поддержки татарами противника. Напротив, общим было мнение, что без татарской поддержки Россия проиграла бы войну «сразу: все

перевязочные средства и все припасы были в их руках» (Ук. соч., 103).

Жуткий послевоенный голод, неизвестный в исконно русских губерниях, поразив Крым, стал причиной второй великой эмиграции. Никто не пытался ее остановить, хотя бы сниженным поборов с опустошенных татарских хозяйств. Напротив, множившиеся как грибы после дождя переселенцы потирали руки — массовый исход вызвал удешевление земли с 20 до 3 руб. за десятину. В правительстве же эмиграцию вообще считали «счастливой случайностью для края» (Усов С. А., 1925, 50). Чтобы развить этот нежданый успех в русификации Крыма переселенцам (но не татарам!) была оказана поддержка казны и с 1865 по 1895 население полуострова, несмотря на эмиграцию утроилось.

Отмена крепостного права прошла в Крыму своеобразно. Поскольку татары закрепощены не были, то они практически ничего и не получили; при этом доля русских помещиков не уменьшилась, а возросла до 50% всей земли, рядовых переселенцев — до 28%. Столыпинские реформы также принесли коренному народу не землю, а новые ущемления и ограничения по национальному признаку.

Лишь после февраля 1918 г., когда в Крыму была создана Национальная партия (Милли-Фирка), перед татарами забрезжили какие-то надежды. В программу этой партии входило установление демократического правления без национальных различий, создание народной республики и включение ее в состав свободной России на федеративной основе. Схожую позицию занял и Мусульманский комитет, единственный законный орган представителей крымских татар. Очевидно, ошибкой его было медление с передачей земли крестьянам, хотя и по понятной причине: добровольно помещики землю не отдавали, а на насилие татары не шли. Они надеялись решить проблему традиционно мирным путем, отказавшись от репрессий и притеснений, столь характерных для старой, имперской власти.

Это не устраивало большевиков. Люди, глубоко чуждые Крыму и его традициям (среди них не было **ни одного** представителя коренного народа), они стояли за насильственную, кровавую ломку сложившихся отношений. Уже осенью 1917 г. Свердлов охарактеризовал Крым как «оплот эволюционистов», призвав к разгрому местных «социал-соглашателей», заявив, что «Севастополь должен стать Кронштадтом Юга» (Гавен Ю., 1922, 5).

Причиной красного террора в Крыму стало поражение большевиков в октябре 1917 г. на выборах в местное Учредительное собрание. Кровавые бесчинства начались сразу же. Террор большевиков был осужден на первом крымскотатарском национальном собрании — Курултае, поставившем своей задачей «на основе идей братства, чувства единой Родины... действовать во имя воссоединения с общедемократическим Миром, во имя спасения от когтей кровавой революции, которая разрушила памятники, культовые здания, сожгла дотла дворцы, растоптала щедрый и прекрасный Крымский полуостров» (Кандымов Ю., 1991, 3).

Зимой 1818 г. силами российских вооруженных сил, дислоцированных в Крыму, Учредительное собрание было ликвидировано. Это было типичное подавление «мятежа в колонии», хоть самой империи практически уже не было. Типичная «политика канонерок» продолжалась, а роль последних охотно исполнял славный Черноморский флот. В начавшейся кровавой оргии расправы с демократами — «эволюционистами» организованное сопротивление двинувшимся из Севастополя отрядам матросов и солдат оказывали лишь оставшиеся верными народной власти татарские эскадроны. Именно поэтому начальная фаза гражданской войны в Крыму представлялась «очень многим как борьба русских с татарами» (Бунегин М. Ф., 1927, 118). Конечно же, она протекала в иной плоскости: зарождавшаяся диктатура душила свободу и демократию. Но вряд ли случайно в этих боях первую представляло российское войско, а вторую — крымские татары.

Впрочем позже известный призыв «Правды» г (18 октября 1918): «Вся власть чрезвычайкам!» был в Крыму дополнен: «Нам грозит военная диктатура татар!» (Прибой, 1918, № 117), что переводило террор на националистические рельсы. Ленинские эмиссары разжигали рознь между крымчанами-русскими и коренным народом, пытаясь, и безуспешно, привлечь первых на свою сторону — военных отрядов хватало лишь на карательные рейды. Через некоторое время во всех городах и большинстве мелких селений уже возникли большевистские административные и политические органы, группы активистов из представителей российской диаспоры (русские, украинцы, евреи). Понятно, что даже для татарской интеллигенции, не говоря уже о ремесленниках и крестьянах «это было простым возвращением русских, их власти, насилия, производимым русскими войсками над пробудившимся национальным движением» (Бунегин М. Ф., 1927, 123).

Очевидно, сейчас не стоит живописать полузабытые картины красного террора в Крыму — для современного читателя они показались бы страшным до неправдоподобия. Лишь вскользь упомянем о Севастопольской кровавой бане 21—24 февраля 1918 г. (ничуть не уступающей исторической Стокгольмской 1520 г.) — татар казнили сотнями, статус члена правительства не играл никакой роли. Вспомним и о рейде кораблей Черноморского флота «Румыния» и «Трувор» в Евпаторию — на их палубах страшно пытали мирных жителей, виновных лишь в том, что они — «национальные буржуа», то есть татары. Всего в этом городке было замучено или казнено более тысячи обывателей. Здесь же, в Крыму зимой 17—18 гг. людей стали сжигать в паровозных топках — кажется впервые (Бунин А. И., 1991, 5). Когда в результате «победоносного шествия Революции» на полуострове поубивалось коренного народа, то в том же 1918 г. была создана ССР Таврида. На гербе нового государства закономерно оказалось древнего топонима «Крым» — его возглавили исключительно «крымцы» в первом поколении.

Пройдя сквозь немецкую, затем союзническую, еще одну большевистскую оккупацию, вырвавшись из тяжелых рук денкинских каартелей, в ноябре 1920 г. Крым снова очутился во власти российских большевиков. Новый террор, возглавленный Бела Куном, Землячкой и другими ленинцами, не прекращался, пока не было казнено 60 тыс. татар. Это заняло почти год, лишь потом было установлено какое-то подобие законности. Но и этих жертв оказалось недостаточно, и в 1921—22 гг. был организован искусственный голод, стоивший жизни еще 60 тыс. татар. Так выполнялась ноябрьская (1920 г.) директива Ленина «переварить» основное население полуострова См. в: Возгрин В. Е., 1992, 424). Оно, как показало будущее, по-прежнему подлежало замене славяноязычными переселенцами.

Задача эта представлялась актуальной оттого, что татар все еще оставалось достаточно для поддержания старых традиций. Коренной народ не поддавался всеобщей эпидемии т. наз. трудового энтузиазма и коммунистической идеологизации. В связи с этим массовый (уже сталинский) террор возобновился тут не в 30-х, а в 20-х гг. с казнью первого председателя Крым ЦИКК Вали Ибранмова. Затем было расстреляно или сослано 3,5 тыс. чел. крымскотатарской творческой интеллигенции и духовенства, десятки тысяч наиболее образованной и перспективной молодежи. За ними

последовали 36 тыс. единоличников и «кулаков», не желавших вступать в колхозы.

В 1929 г. крымскотатарский алфавит древнего арабского происхождения был заменен латиницей. После этого отовсюду, из частных собраний и государственных библиотек были собраны татарские книги, журналы, ноты, рукописи и сожжены. При этом погибло немало раритетов и даже совершенно уникальных произведений и документов, чудом уцелевших в огненном ауто-да-фе 1833 г. Не удалось спасти почти ничего, попытка скрыть от НКВД книгу или рукопись любой эпохи, исполненную старым шрифтом, означала арест и ссылку.

К 1941 г. старенность народа упала до самой низкой в его истории цифры в четверть млн. (не считая десятков тысяч заключенных и ссыльных). С началом войны в Красную Армию было мобилизовано 60 тыс. чел. В ходе немецкой оккупации стала явной политика рейха, имевшая онемечивание Крыма. Уже в первые месяцы «нового порядка» 85 тыс. татар было помещено за колючую проволоку в трудовые лагеря близ Берлина. Эта акция подтолкнула часть татар, способных носить оружие (их теперь оставалось совсем мало) к участию в партизанском движении. Некоторые из них заняли командные посты (И. Бекиров, У. Енилеев, А. Керимов и др.), А. Дагджи стал во главе одного из крупнейших (1260 чел.) партизанских отрядов.

Подобная активность вызвала быструю реакцию оккупантов: начались массовые расстрелы татар-заложников. Немцы сжигали людей в мечетях, целые села с населением. Из первых 89 уничтоженных таким образом деревень 52 были чисто татарскими (Ватап, 1990, № 1, 12). И все же необходимо заметить, что темпы геноцида крымских татар при немцах значительно снизились: число жертв измерялось «всего лишь» сотнями, а не десятками тысяч, как до войны. Возможно именно поэтому совершенно, казалось бы, чуждая власть немцев показалась некоторым предпочтительнее сталинского режима. Впрочем, число татар-коллаборационистов (по подсчетам А. Некрича, среди 1632 крымчан, сотрудничавших с немцами, были и татары) не идет ни в какое сравнение с тысячами, награжденными на фронте орденами и медалями (5 крымских татар стали Героями Советского Союза, один — дважды).

Эти данные приведены отнюдь не для «оправдания» народа — он в нем не нуждается. В условиях длительного и планомерного физического и культурного геноцида, в борьбе за

выживание, народ имеет право на любые средства, вплоть до содействия политическим врагам метрополии, осознанно истребляющей колонизованный этнос. Нет, приведенные факты и цифры — лишь доказательство тому, что оправдание депортации 1944 г. и новой волны сталинского геноцида «предательством» народа грубо сфальсифицировано. Это явствует и из того простого факта, что депортация началась еще до оккупации, в сентябре 1941 г. (Фахри П., 1991), когда ни о какой «измене крымских татар» и речи быть не могло.

От депортации не спасали ни партизанские подвиги, ни фронтовые награды. В этапных эшелонах, а затем в голых степях Азии в первый, самый тяжелый год изгнания погибла почти половина народа. В самом Крыму были умерщвлены жители труднодоступных для высылки мест и тяжелобольные. Уцелевшим спецпереселенцам под страхом тюрьмы было запрещено покидать резервации, где царили голод и болезни.

Затем спецпоселения стали «открывать», но ни в 60-х, ни в 70-х гг., когда крымские татары были официально реабилитированы, ничего не изменилось. За эти годы в Крым переселилось почти 2 млн. русских и украинцев, татарам же было объявлено, что для них не осталось места.

В 1980-х-гг. народ утратил последнюю надежду на справедливость Москвы, началось явочное, несанкционированное возвращение в Крым. Татар избивали дубинками, травили газами, их землянки давили бульдозерами. Но вопреки издевательствам, арестам, этапам в Азию, разгромам новостроек и другим акциям местных славяноязычных властей, число репатриантов неуклонно росло. Ныне (лето 1993 г.) оно достигло 230 тыс., это почти половина крымских татар СНГ.

Им и ныне не предоставляют участков под строительство в старых местах проживания. В то же время на самых удобных и престижных земельных полосах вдоль автотрасс и на побережьях повсеместно нарезаются полномерные наделы для дач крымчан-нетатар. Число таких участков — 270 тыс., тогда как для полного и окончательного решения крымскотатарской жилищной проблемы было бы достаточно **вдвое меньшего** количества участков, переданных лишенным некогда крова аборигенам полуострова. Если же учесть, что упомянутые 270 тыс. семей дачевладельцев худо-бедно жильем обеспечены (нередко занимая старинные татарские дома), то неизбежен простой вывод: дискраминация коренного населения продолжается.

Причем не только в этой области. Уже прописанным в Крыму татарам представляется лишь работа, не требующая высокой квалификации; интеллигенция получает места по специальности в редчайших случаях. Об аренде и говорить нечего — землю и другие средства производства дают кому угодно, только не татарам, хотя именно пращуров последних превратили дикий некогда полуостров в рай.

Так новые обиды наслаиваются на старые, преступление продолжается и в постимперскую эпоху. И лишь великим терпением народа, его двухвековым опытом выживания в жесточайшем из колониальных режимов можно объяснить относительное спокойствие в Крыму, отсутствие кровавых межнациональных конфликтов. Наиболее взрывоопасный (как и везде) элемент, молодежь, и ныне послушна старикам, хранящим выдержку, традиционное презрительное смирение. Весь народ верен миротворческой политике, избранного им в 1991 г. Курултая и национального полномочного представительного органа народа Меджлиса. Акции протеста проводятся лишь в случаях особо жестокой физической расправы властей с репатриантами, вся вина которых — любовь к Родине. Но и эти протесты выражаются в мирных демонстрациях да изредка — самосожжениях. Власти, судя по всему, это мало волнует — ведь при этом страдают и гибнут татары, а не, упаси Бог, ревностно оберегаемое от них новое население древней земли.

Что касается культурного геноцида, то по всей многоплановости, по своим результатам он поднялся на универсальный уровень, став всеобщим, достигнув масштаба искажения биоценоза. Природа, отчасти и климат Крыма изменены инкультурными пришельцами до неузнаваемости. Исчезли некогда любовно оберегаемые татарами источники хрустальной чистой воды, от десятков искусственных водоёмов повысилась влажность и размножились невиданные в Крыму комары, каналы засолили почву, склоны гор покрылись незаживающими язвами камнепадения. Пляжи лишились многоцветной гальки, а степь и лес — значительной части эндемичных флоры и фауны. Чудовищно опухолью разрослись безликие, чужеродные Крыму города и рабочие поселки. В целом городской и природный ландшафты подогнаны под некий усредненный шаблон, созданный отнюдь не здесь, а далеко к северу.

Неоколониальная, паразитарная эксплуатация природы полуострова достигла своего апогея: истощив местные минеральные запасы, незванные «командиры экономики» давно уже

завозят топливо и химическое сырьё с севера, чтобы обрабатывать его подальше от метрополии. Используются, как правило, наиболее грязные, губительные для уникальной природы Крыма, но дешёвые производственные процессы. В их шуме и грохоте не слышны негромкие голоса крымских татар, единственных, для кого гибель природы равнозначна их собственному исчезновению с лица Земли как самобытного этноса.

Постоянно проводятся акции и не столь общего характера, направленные избирательно против культуры коренного народа. В 1940-х гг. все старые топонимы были заменены на русские, были снесены сотни мечетей, кладбищ, мраморных и диабазовых фонтанов, целых средневековых кварталов, крепостных стен и ворот. Сносились и здания гражданской архитектуры, если в них прослеживались крымские мотивы, в лучшем случае с них стесывали татарские письмены и орнаменты. Вырубались кипарисовые аллеи, на их место вставляли колонны «русских берёзок». Древние городища перерезали глубокие бетонные фундаменты уродливых «высоток», предназначенных для новоселов с севера.

Уничтожение следов крымскотатарской материальной культуры потребовало огромных средств. Деньги нашлись и в голодное послевоенное время, ну а позже подобные работы уже обеспечивались бесперебойно. Они еще не окончены — мечеть села Плодовое снесена совсем недавно, какой из уцелевших памятников старины на очереди, пока неизвестно.

Попытаемся поставить назревшие вопросы: чем вообще была вызвана антитатарская политика, где истоки идеологии, ее обосновавшей, какие силы направляли эту политику в различные эпохи? Наконец, как общество, традиционно считающее себя то «богопосынным», то «светочем мира», то оплотом морали высшего типа (коммунистической) породило антитатарский геноцид? И кто непосредственно проводил его в жизнь?

4.

Прослеживаются два перманентных истока интитатарской политики России (как старой, так и новой):

- общий, обозначаемый термином «имперский синдром»,
- частный, в виде цепи конкретных программ, менявших форму, но не свою двуединую цель (захват Крыма, его руссификация).

Появление первого из истоков обычно датируется концом XV в. Согласно имперской идее колонизация, если она осуществляется Россией, считается делом справедливым и почетным, продвижение русских на восток, юг и запад — естественным. Интересы колонизируемых народов во внимание не принимались, это «не более, чем скопища, банды» (Анпсимов Е. В., 1989, 50). Примечательно, что подобные мнения сохранили жизнеспособность на протяжении полутысячелетия; и в XX в. можно было услышать «не мы взяли это пространство: равнинное, открытое, незащищенное — оно само навязалось нам; оно заставило нас овладеть им»... (Ильин И. А., 1991, 12). Речь идет, естественно, не только о Великой Степи. Адепты теории «меньшего зла» считают, что российские солдаты и казаки вообще были благодетелями покоренных народов.

К последним, очевидно, следует отнести и крымских татар. Действительно, иначе захват Крыма трудно объяснить. Угрозы он с середины XVII в. не представлял (политически более актуальной была опасность со стороны европейских держав, бескомпромиссных российской экспансией). Не пайти тут и экономического оправдания — по крайней мере до освоения черноземных богатств Украины. Таким образом, аннексия Крыма была вызвана исключительно амбициями царей, впрочем довольно провинциальными¹, а геноцид в Крыму XVIII века — стремление стратегически эти притязания обеспечить: педаром Екатерина приказала выбить на городских воротах Севастополя надпись: «Дорога на Константинополь» (Жигарев С., 1896, 221).

Вторая причина геноцида, социально-экономическая, проявилась лишь в XIX в. с ростом проблемы российского крепостничества. Деспотический строй ощутил опасность и в верхах (декабристы и многие другие) и в низах (перерастание стихийных бунтов в осознанные и целенаправленные крестьянские волнения сер. XIX в.). Слабевшему режиму приходилось учитывать любые потенциальные угрозы, наносить уп-

реждающие удары. Одной из мишеней для подобных ударов стало крымское общество с его традициями свободы и равенства. А то, что акции против мирного народа приобрели здесь уникально насильственный, жестокий, угрожающий характер, объяснялось непохожестью Крыма на другие «новые земли» империи.

Царей не беспокоила Украина — уже через полвека после Переяславской рады было видно, что местное крепостное право приобретает «домашние», российские черты и размах.

Захватив Прибалтику, Петр I мог там вообще ничего не менять. Система остзейского крепостного права находилась на таком уровне тотальности, до которого России еще предстояло «подняться» — и царь с удовольствием умыл руки, оставив тамошних крестьян в полной личной зависимости от баронов.

Столь же всеобщим было и польское крепостное право; и здесь цари могли не вмешиваться, узаконив старые права панов по отношению к их бессловесным, забитым «холопам».

Примерно схожая картина рисуется в Молдавии и Валахии, где местное боярство верно служило петербургским владыкам за то, что его власть над крепостными целиком сохранялась.

На Кавказе ситуация была сложней. В тех его районах, где отношения между господами и чернью сложились, как, например, в Грузии (где крестьяне полностью зависели от князей), трений между помещиками и русскими властями не возникало. Если же отдельные племена и народы под угрозой утраты личной свободы боролись с армией, несшей порабощение, то и реакция была соответствующей. Как писал в подобных ситуациях генерал П. Цицианов, «ждетесь вы моего посещения, и тогда не дома я ваши сожгу — все сожгу, из детей ваших и жен утробу выну» (Вспомогательные дисциплины, 1939, 23).

Таким образом, лишь Крым выламывался из этой единой, несмотря на этническую, культурную и экономическую многообразность картины европейской части империи, более всего беспокоившей Петербург. Лишь Крым давно опередил скрипящую всеми колесами всероссийскую телегу, управляемую все еще феодальными законами. И из крымского народа нельзя было ни «вынуть утробу» (в отличие от, скажем, чеченского, он был абсолютно мирным), ни игнорировать (как свободных, но крайне удаленных от взрывоопасной зоны крепостного права поморов или сибиряков).

¹ Та «узкая провинциальная культура Москвы» допетровской эпохи, что оказалась «непригодной для организации и одушевления» огромных захваченных территорий (Федотов Г. П., 1992, II, 247), ко времени Екатерины II успехов на этом поприще так и не добила. Как и в стратегических разработках новых захватов — цель аннексии Крыма, к примеру, определялась возможностью «запирать ход туркам и кормить их или морить с голоду» (Соловьев С. М., 1862, № 39, 28).

Реальная опасность заключалась в том, что несравненно более свободный, открытый, независимый образ жизни крымских татар окажется притягательным для соседей-славян, окажется дурным примером для крепостных, если он издавна манил даже вольных казаков (те неоднократно просились к хану в подданство)¹. Да, это был опасный пример, а то, что он был единственным в своем роде, означало лишь, что для его ликвидации надо было найти столь же нетрадиционные средства.

И они были найдены. При всей жестокости кавказских кампаний, дело там ограничивалось военно-политическим давлением. Но не было уничтожения культуры коренных народов, великолепно, кстати, сохранившейся до наших дней. В Крыму же русские власти, верно определив источник жизнестойкости открытого общества — крымскотатарские культурные традиции — без промедления начали эти традиции выкорчевывать. Методы были незамысловатые, но верные: депортация наиболее культурно развитой части населения, полная перестройка традиционной экономики, дискредитация или физическое уничтожение национальной интеллигенции, удушение народного просвещения, полный разрыв взаимообогащающих древних связей крымскотатарской культуры с тюркским и средиземноморским ареалами, разрушение экологической структуры региона, изменение вмещающего ландшафта по инкультурным моделям, наконец, национальная политика дискриминации коренного населения, обрекающая его на голод, бесправие, физическую и духовную деградацию или как альтернатива, на массовую эмиграцию.

Не был упущен и «человеческий фактор». Крымским татарам упорно внушалось, что они — люди второго сорта, что превосходство переселенцев уже в том, что они русские и христиане. Особенно нетерпимые, черносотенно-погромные отношения между пришлым элементом и коренными крымчанами — татарами, караимами, крымчаками, евреями — установились в первые годы XX в. Этот период отмечен (чуть ли

¹ Примечательно, что обратного потока, то есть переселения татар на Украину, не отмечено вовсе. Пленные казаки, прожившие некоторое время в Крыму и получившие свободу (таков был обычай), не соглашались покидать ханство даже под угрозой смерти от руки «освобождавших» из запорожцев. Самый известный случай подобного массового убийства украинцев-невозвращенцев (в том числе малых детей) рубаками кошевого Серго, был скорее типичным, чем исключительным. (Подробнее см. в: Кондараки В. Х., 1875, XII, 8).

не впервые в истории Крыма!) национальными конфликтами, инспирированными властями, осуществленными массой материкового люмпен-пролетариата, осевшего в портовых и промышленных городах полуострова.

Вышеперечисленные меры правительства привели к желаемому результату лишь частично. Конечно, потерпела жестокий урон, пришла в длительный упадок материальная культура — это было неизбежно при столь неуклонном массивном наступлении. Однако, если подходить к культуре как к основному способу видения мира, то ее важнейшие компоненты, национальный менталитет, национальная психология, уцелели. И если, например, для специфически русского способа ориентации в мире, как считают, характерна ксенофобия (Седов Л. А., 1989, 182), то внедрить ни ее, ни нетерпимость к инаковерующим в сознание татар так и не удалось. Воспитанные многими сотнями лет жизни в свободном обществе контактность, толерантность, открытость, чувство человеческого достоинства во всех слоях и социальных группах не удалось вытравить по причинам совершенно понятным.

Тоталитарная система в ее наиболее чистом виде (византийская), почти целиком воспринятая Русью, не смогла пустить корни в средневековом Крыму. Как же мог оказать какое-то влияние на окрепшие и устоявшиеся с веками традиции гуманизма и открытости крымского общества вторичный, опосредованный тоталитаризм России?

Когда же крымские татары столкнулись с тоталитарной идеологией (и практикой) большевиков, то ничего принципиально нового в ней не обнаружилось. Остались прежними как имперское восприятие «мессианской» всемирно-исторической роли России¹ и ее народа, так и соответствующее отношение к иным народам, не принадлежащим к «авангарду» передового человечества». По определению известного политолога, кадета Б. Мирского, это был новый вариант «старого, самобытного, отечественного черносотенства» (Посл. Новости, 23 фев. 1921), впрочем, открытие этой истины принадлежит Д. Мережковскому: «на наших глазах Романовская черная сотня сливается с Ленинской» (Новая Речь, 28 ноября 1917).

¹ «Если бы Аракчеев и Николай I восстали из гробов своих, они могли бы идейно торжествовать: русская оппозиция при первой попытке осуществить свои высокие задания должна была признать правоту старого русского государственного идеала» (Шестов Л., 1991, 51).

Для дальнейшего развития темы этой работы необходимо коснуться сюжета, который я доныне старался обходить стороной. Откровенно говоря по редкой его неблагодарности для любого автора — речь идет о роли народных масс в злодеяниях правительства, об их более или менее добровольном участии в преступлениях режима против человечества, конкретно — в геноциде.

Попытки найти основных виновников национальной трагедии крымскотатарского народа пока проваливаются в пустоту¹. Однако недавно эта лакуна отечественной историографии была, наконец, публично обозначена — к стыду нашему, за рубежом. Французский историк Марк Ферро не только назвал ее, но и указал главные причины, по которым она возникла: ученые избегали ее из страха перед обвинением в русофобстве, а политики опасались утратить популярность у основной массы наших избирателей (1992, 192—193).

После этого делать вид, что указанной проблемы не существует в природе, становится невозможным. Ученый обязан так или иначе оценить ставшие известными факты, сколь бы мучительны для национальных чувств они ни были.

Специальный анализ «традиционно мощного в России механизма власти» показывает, что опиралась она не на что иное как на «специфические структуры массового сознания» (Седов Л. А., 1989, 173). Именно в массах были, оказывается, сильны «шкурные интересы» — основа любой экспансии (Муравьев В. Н., 1990, 196), особенно в колониях, где русские переселенцы очутились в чуждом природном и национальном окружении. В целом складывалась ситуация, схожая с положением России в «концерте» европейских держав, и с теми же результатами. Вызванное бесспорно уникальными по масштабу захватами всеобщее недоверие к России отзывалось у нас вполне понятной реакцией постоянного раздражения и слепого самоутверждения. Оттого-то и в Европе, и по российским окраинам столь долго носилось, не затухая,

¹ Мы опускаем многочисленные национально-апологетические утверждения российских историков и публицистов, сделанные в рамках данной темы ввиду их исключительной голословности. Сводятся же они к тому, что русский народ был против крымской политики России, что ему жилось хуже, чем колонизованным нациям, ибо некая «третья сила» тянула из русских больше «народных соков», чем из кого бы то ни было (Солоухин В., 1992), что он «не пользовался, как народы других метрополий привилегиями формального господства» (Анисимов Е. В., 1989, 52) и тому подобное.

эхо от полудиотического восклицания первого «депортатора» крымцев, А. В. Суворова: «Мы русские — какой восторг!».

А несколько позже стал действовать известный закон «колониальной неблагодарности», согласно которому у народа метрополии растет «убеждение, что его добрые чувства оскорбляются, его роль, постоянно официально подчеркиваемая, в действительности принижается» (Анисимов Е. В., 1989, 54) так как «туземцам» не свойственно чувство благодарности и так далее. Отсюда уже рукой подать и до неприязни к ним бывших переселенцев. И тут же вспоминается более общее правило: «Геноцид осуществляется армией или полицией, но при молчаливом, а иногда и ликующем согласии господствующей нации» (Габриэлян Г., 1992).

И не удивляешься уже тому, что солдаты не просто исполняли приказ о выселении татар, но действовали с охотничьим азартом, сопровождали чудовищную акцию оскорблениями и жестокостями, никак не санкционированными. С другой стороны не отмечено ни одной попытки соседей-русских помочь татарам, укрыть их от высылки и т. п. В других местах сталинских депортаций подобное естественное сочувствие было нередким: «Ряд жителей Грузии был арестован за укрывательство «врагов народа». Кумыки бережно сохранили кладбища чеченцев, не дали осквернить ни одной могилы», «горские евреи категорически отказались занять освобожденные дома и квартиры чеченцев и ингушей (Преловская И., 1992).

Объяснение тут напрашивается само собой. Кавказцы не увидели исполнителей геноцида и относились сочувственно к его жертвам, даже иноплеменным. В Крыму же гражданское славяноязычное население, не успели эшелоны с татарами скрыться из глаз, бросились занимать их дома, угонять скот, грабить имущество и т. д. Об этом также сохранилось немало свидетельств, как и о поныне нередком неприязненном отношении части русскоязычных крымчан к возвращающимся аборигенам (исключение — коренные крымцы-христиане), что также объяснимо: человеку свойственна подозрительность к жестоко и несправедливо им обиженным.

Поэтому слова Солоухина о том, что русский народ страдал более колонизованных им, если и справедливо, то лишь в том смысле, что тюрьма губит и заключенных и тюремщиков, но в смысле морали — последние теряют неизбежно больше.

Во всем же остальном русские пострадали все-таки мень-

ше татар Крыма. По самым скромным подсчетам, за сто лет (середина XIX — середина XX вв.) крымскотатарское население уменьшилось впятеро — целиком по вине колониальной политики. России, к счастью, таких жертв принести не довелось. Сохранились, в целом, и российские культурные ценности: и после разгрома большевистских варваров в стране насчитываются не сотни, а тысячи храмов и других памятников национальной архитектуры. В Крыму их не наберется и десятка. Россия по-прежнему занимает первое место в мире по массе архивных источников (как в абсолютном значении, так и в пересчете на душу населения) — национальные архивы и книжные фонды крымскотатарского народа полностью уничтожены. Не стоит, очевидно, продолжать это невеселое сравнение. Поскольку «понять — значит простить», то предпочтем ему иную цель: попытаемся понять, что подвигло народ на соучастие в преступлении.

Задача эта, сама по себе чрезвычайно сложная, потребует глубоких экскурсов в области, непосредственно в рамки заявленной темы, вроде бы, не входящие (заранее приносим извинения за обширность этих экскурсов).

Для начала придется вернуться к уже затрагивавшимся в данной работе идеям царизма и большевизма, Они именуется здесь и известной степенью приблизительности тоталитарными, хотя точнее было бы сказать, что тоталитарность сближала их, была наиболее общей характерной чертой для них обоих. Отношение масс к этим идеям было, как об этом свидетельствует обширный свод источников, полярно противоположным к северу и к югу от Перекопа, Причем, как в период ханства, так и позже. Подобная несхожесть симпатий и антипатий славянских и крымскотатарского обществ стала еще более разительна после революции. С первых ее месяцев чисто российское учение большевизм был вполне ограниченно воспринят широкими народными массами России и Украины. Этому имеется множество свидетельств современников; сошлемся лишь на самые авторитетные из них¹.

¹ «Конечно, большевики настоящая «рабоче-крестьянская власть». Она осуществляет заветнейшие чаяния народа» (Бунин И. А., 1991, 26); «Большевизм оказался... наиболее верным некоторым исконным русским традициям... и русским методам управления и властвования насильем (Бердяев Н. А., 1990, 93); «Жестокость форм революции я объясняю исключительно жестокостью русского народа» (Горький М., 1992); «Психология большевизма была психологией типично русской с ее отталкиванием от Запада, с ее органическим отвращением

Большевики не смогли бы подавить белое движение, не имея они поддержки в массах, привлеченных декларированным Лениным «перераспределением», то есть свободой грабежа. Ведь и деревенское раскулачивание тоже проводилось самими односельчанами. «Активисты» нашлись в каждой деревне; как грибы повсеместно возникали комячейки, множилось число стукачей-рабкоров и селькоров, затем комсомольских и пионерских организаций — также на вполне добровольной основе.

Эта преданность тоталитарной власти имела давние традиции¹, была естественной, искренней и выдерживала нешуточные испытания. Например, на Украине «германская оккупация загнала большевиков в подполье, но как только немцы ушли, вся страна сразу оказалась пронизанной большевизмом и подпала советской власти» (Трубецкой Е., 1992).

Как заметил недавно проф. И. Л. Мамяфа, «свою волю народ России проявил не на выборах в Учредительное собрание, а на полях гражданской войны» (ЧП, 27 янв. 1993). Успех большевизма в массах принявших, идею классовой, то есть откровенно братоубийственной войны, настолько оскорбителен для наших авторов, что некоторые из них пытались объяснить его с психопатологической точки зрения, то есть «массовую психическую болезнь» (Трубецкой Е., там же), «стародавними моральными пороками, гнездившимися в нашем народе, междуклассовым и междучеловеческим недоверием и недоброжелательством, часто разгоравшимся до ненависти» (Струве П. Б., 1990, 248).

Перечень подобных попыток объяснить поразительный феномен «болезни большевизма» можно легко продолжить, но

к культуре» (Рысс П., 1921, 112); «Вероятно, было нечто в традициях Великодержавии, что питало большевизм в большей мере, чем остальная почва Империи: крепостное право, деревенская община, самодержавие. Поэтому большевизм без труда укрепился в Санкт-Петербурге и Москве, ... окраины оказали ему отчаянное сопротивление» (Федотов Г. П., 1992, II, 324); «Большевизм — исконная глубокая черта нашей национальной психологии» (Сперанский В., 1926, 84) и так далее, и тому подобное.

¹ «В византийско-московской традиции у нее (свободы — В. В.) не было никаких корней. В этом и состояла трагедия русского славянофильства и вообще русского национального свободолюбия. Вот почему с такой невероятной легкостью свобода могла быть выкорчевана из сознания русских масс, лишенных общения с внешним миром, принесших в марксистскую школу лишь древние инстинкты «Московии» (Федотов Г. П., 1992, II, 232).

попытаемся взамен выяснить, отчего к этой болезни оказался невосприимчив крымскотатарский народ.

Глубоко понимавшие, любившие и оберегавшие родную природу, ощущавшие себя ее частью в той же степени, что и в древности¹, возможно именно поэтому более психологически устойчивые, более консервативные, фанатично преданные земле, крымские татары видели высшее наслаждение и смысл жизни в свободном труде на нивах предков. Одна лишь эта фундаментальная черта народного характера, полярно противоположная паразитизму большевиков², могла бы объяснить факт отторжения учения Ленина татарской массой. Но были и другие причины несовместимости ленинизма с менталитетом крымцев.

Стянутость крымской общины в полуостровной (практически островной) социум играла сплачивающую роль еще в период этногенеза. Но и позже она консолидировала общество, вырабатывая и дисциплину и, что важнее, солидарность слоев и сословий. Консолидации этой не препятствовали ни внеэкономическое принуждение, ни социальные жесткие перегородки, со временем она достигла высочайшего уровня, став основой моральной, духовной, политической однородности этноса, его культурного единства. И, что в данный момент важнее — преданность несовместимой с большевизмом созидательной деятельности стала ярчайшей чертой этносоциальной психологии, **единой** для **всего** народа: явление, для Европы уникальное; отдаленную аналогию можно обнаружить разве что в Исландии.

И менее всего в России, где «часть народа, получившая образование, немедленно этим самым воспринимала чуждое народу мирозерцание, отрывалась от народа, жила вне связи с русской историей» (Муравьев В. Н., 1990, 193). Татарин же, получивший высшее образование в местной Зынджирлы медресе, Анкаре или даже Сорбонне, по-прежнему ощущал себя частью народа. Он неизбежно возвращался к гармонии народной жизни, оставаясь таким же крымским мусульманом, что и его земляки. А стремление империи до и после 1917-го расколоть эту общенародную культуру, уничтожить

¹ Даже в новое время подавляющее большинство крымских татар (крестьяне) не испытали ни насильственной урбанизации, ни невзгод растрекрестьянивания, ни соблазна отхожих промыслов.

² О паразитарной сути большевизма см. в: Шестов Л., 1919, 51, 55; Струве П. Б., 1990, 243.

единые традиции привело к прямо противоположному результату. От инокультурного давления страдала не часть населения (низы или элита), а все 100% народа. Это ставило еще одну, дополнительную **общую** цель жизни — **сопротивление**, что еще более консолидировало народ.

Это были эффективные прививки против культурной стратификации этноса, но не только. Обладая длительным действием (их регулярно повторяли северные «врачи»!), они-то и уберегли народ от опасности заболевания упомянутой болезнью, которая только и могла стать эпидемической в разобщенном, расколотом, пронизанном внутринациональной завистью и злобой в обществе. Повторяем, в татарском едином социуме просто не могло возникнуть «с одной стороны безмерной рационалистической гордыни ничтожной кучки вожаков, с другой — разнузданных инстинктов и вожделий неопределенного множества масс» (Струве П. Б., 1990, 242), как это было к северу от Перекопа.

Именно оттуда пришел большевизм. Он был насажден в Крыму почти исключительно силой, хотя и пользовался поддержкой части населения полуострова, как и на других окраинах России его опорой стала русская диаспора, считавшая членство в РКПб неким символом принадлежности к старой родине и формой национального самоутверждения (Агурский М., 19, 152). Понятно, что и с этими партийцами у татар не было ничего общего.

И позднее, в межвоенный период, крымскотатарское общество сохранило внешне неявные, но фундаментальные отличия от общесоветского. Известно, что российским народом, в котором традиционно было сильно монархическое начало, монархический менталитет, сталинизм воспринимался как нечто не только привычное, но и необходимое. Сталинская идеология полностью заменила в обезбоженной России религию, что было невозможно ни в одной иной стране. Сталинизм, советский строй были и объективно выгодны большинству населения, искренне поддерживавшему этот режим — экзистенциальную веру в вождя и его систему не всегда могла погасить даже тюрьма.

Картина в послереволюционном Крыму, где социализм ввели силой оружия, была едва ли не прямо противоположной. Коренной народ не нуждался в суррогате религии, для которого в их мировоззренческой системе просто не было свободной ниши — татары оставались мусульманами. Ислам был и оставался прочной духовной основой нации еще и от-

того, что реально помогал устоять в эпоху тоталитаризма на позициях терпимости, ненасилия, гуманизма. Что отличало его, кстати, от православия, с поразительной легкостью утратившего авторитет в славянской массе страны, уступившего место новой идеологии бесчеловечности.

Подобный расклад сил, вполне явный для внимательных чекистов, очевидно и стал причиной более ранних, как мы видели, репрессий в Крыму, чем в других регионах — Тавриду пытались привести к некоему всероссийскому «общему знаменателю».

Но быть может эта цель, будь она достигнута, принесла бы татарам благо в виде нового уровня и направления просвещения, развития производственной техники, науки и т. д.? Этот вопрос — не риторическая фигура; подобными доводами, «заботой» об аборигенах родной советской власти, а ранее — России оправдывали свою политику и большевики и цари. О «высокой миссии» русских в «полусонном Крыму» можно слышать и сегодня. (См. напр. в: Люсьи А., 1991, 3). Поэтому приходится останавливаться и на этой, вновь и вновь гальванизируемой теории.

Как известно, развитие общества может идти по одному из двух основных путей: «прогресса» или же «историческому» (о терминах подробнее см. у: Кантор К. М., 1992). Первый несет в себе научно-технический прогресс, сравнительно быстрый рост благосостояния в целом. Но — и отчуждение собственности от индивида, дифференциацию общества, дегуманизацию межличностных отношений. Как правило этот путь, путь прогрессивного способа производства, сопровождается регрессом духовности, нередко — и личности.

Путь «исторического» развития, напротив, не гарантирует ускоренного роста материальных благ. Он скорее характерен постоянным превращением внешнего богатства во внутреннее, ростом нравственного совершенства. Здесь также имеет место прогресс, но это прогресс духа, обретение все больших полноты жизни и способности к личному самоосуществлению. Естественно, при этом приходится жертвовать скоростью технического прогресса, развития престижных научных дисциплин и направлений и т. п., так как средства здесь и более скромные сами по себе, и расходуются они на несколько иные цели. Поэтому такое общество выглядит отставшим — внешне, конечно. И не стоит огорчаться по поводу его судьбы, «прогресс» в европейском понимании этого слова необходим подобным обществам не более, чем, скажем, мудрецу

Рериху в его горной обители был нужен автомобиль последней, самой престижной модели.

«Исторический» путь развития был характерен для Крыма доколониального периода; на рельсы пути «прогресса» его стали переводить в XIX—XX вв. Казалось бы, ничего катастрофического в этом не было (если не считать ценностью традиции коренного народа, выбором которого никто не интересовался и не интересуется). Но парадокс в том, что ни старая, ни новая Россия, приневоливая свои колонии к европейскому пути прогресса, и сама-то не владела его идеей (мы уже не спрашиваем, как могла цивилизовать Крым, страну сплошной грамотности, Россия с ее 90% неграмотных!). Куда могла привести своих пасомых империя, в которой «западные нормы» культуры не привились и в XIX в., а в XX на кремлевский трон взошел Сталин, как известно, также «государственник восточного, азиатского типа» (Бердяев Н., 1990, 70, 120)?

Крымских татар заставляли жертвовать своими ценностями, предлагая взамен новые, как оказалось — химерические. Крым лишили его вековых культурных, духовных, этических достижений, но взамен-то он отнюдь не стал развитым регионом европейского типа. Испокоин веку крымские татары поставляли за рубеж высококачественные товары собственного производства, а сырье **ввозили**. Теперь увязывая в прошлом империя, безнадежный сырьевой придаток Запада¹ утянула за собой и Крым с его традиционно динамичной экономикой, его свободным рынком и обществом, демонстрировавшим более высокий тип политического и социального развития.

Во всех этих областях «путь прогресса» российского образца повел крымцев даже не назад, к уже пройденным этапам развития, не просто к социально-экономическому регрессу. В Крым были введены **невиданные** еще здесь варварские реалии, такие как бессудность власти имущих, закрытые границы, крепостничество, цензура, система внеэкономического

¹ Неспциалистам вроде В. Солоухина свойственно преувеличивать «капиталистические» успехи дореволюционной России (1992, 11—24). На деле же, как доказывает экономист А. Лифшиц, империя страдала монополизмом, утяжеленной структуры производства, сырьевой ориентацией экспорта, порочного распределения собственности; все эти «негативные» черты проявились задолго до октябрьского переворота и были сущим проклятием народного хозяйства России. Тоталитарный режим не убрал ни одной из них». (Известия, 1992, № 243, 3).

принуждения и т. п. И уж конечно впервые в истории Крым был низведен до стыдного статуса сырьевого придатка к... сырьевому придатку.

Что же касается железной дороги и других технических нововведений, то татары были вправе относиться к ним как один из лидеров Алжирской революции, заметивший: «Меня не радует электричество, если французы провели его в дом, который уже не мой».

Многое из сказанного об экономическом насилии применимо и к культурной политике России в Крыму — об этом уже упоминалось. Добавим лишь, что насилие над крымской культурой имело погубные последствия не только для татар. Крым полностью утратил при этом свою всемирно-историческую роль древнейшего центра кросс-культурных связей между Востоком и Западом. И в этом смысле Россия унизила Гавриду до уровня Балкан, издавна выполнявших прямо противоположную миссию — слагбаума между двумя великими цивилизациями, мусульманской и христианской, тлеющего очага раздора между ними. С приходом советской власти подобная роль, навязанная Крыму извне, стала еще более явной.

И. Бердяев заметил, что русские — народ крайностей, «одержимости» (1990, 55). Не исключено, что бывший марксист имел в виду утрированный, доведенный в России до крайности европейский тип развития — по диалектической спирали (или полярным циклом). Политику России всегда заносило то вправо, то влево относительно некоего центрального вектора, в принципе идущего мало-помалу, вверх, к идеалам терпимости, демократии, общего благосостояния. Умозрительному этому стержню в целом близок восточный тип развития: не спиральный (или волновой), а прямолинейно-поступательный. Волею судеб этот мирный, лишенный социальных катаклизмов, эволюционный путь стал свойственен единственному из европейских этносов — крымскотатарскому (если не считать каранский и крымчакский, возможно, гагаузский). И события крымской истории последних 75 лет — лишнее подтверждение тому, что он-то и был некогда оптимальным как для народа, так и для его земли.

Аннексия Крыма Россией и вся дальнейшая история крымского народа продемонстрировала губительные результаты «великой миссии» империи в небольшом соседнем государстве. Мы видели, что накануне этой национальной катастрофы, в эпоху Крым-Гирея, крымскотатарский социум, двига-

ясь по эволюционному пути, достиг высокой степени развития. Факт опережения им российского общества по формационным признакам может показаться спорным. Но и в этом случае нелишне вспомнить о том, что общество или группа обществ может в конкретно-исторических условиях, не прогрессируя формационно, заметно двигаться вперед по цивилизационным показателям. Эти показатели были очевидны всем современникам, наблюдавшим Крым в блестящую эпоху Крым-Гирея. В то самое время, когда имперская структура России, готовившейся «цивилизовать», наконец-то, Крым, оставляла огромной стране единственный узкий путь — дальнейшего цивилизованного самозакрепления.

Аннексия сломала генетическую ось, на которую нанизывались пласты истории Крыма и крымцев. Самой тяжелой и трудновосполнимой потерей при этом оказались утраты в культурном материале. Он был соткан из живых нервов исторического, цивилизованного опыта, совершенствовавшегося от века к веку, передаваемого поколением поколению. Обрыв этих связей прервал и эволюционное поступательное развитие общества, резко снизил его хозяйственно-культурный уровень, сделал реальной возможность исчезновения с лица Земли совсем молодого, исполненного жизненных сил этноса — таким оказался общий результат российского «миссионерства».

6

После попытки дать ответ на вопрос «Кто виноват?» остается второй, столь же традиционной: «Что делать?». Не исключено, что нас упрекнули в упрощенном подходе к проблеме, но, похоже, мы имеем дело с ситуацией, когда не стоит изобретать велосипед; ответ — у нас перед глазами, стоит лишь обратить их к современной Германии.

Здесь в недалеком прошлом нацизм был столь же органичен, произрастал столь же пышно из народной массы, как большевизм в России. И Гитлер с его шовинистической политикой встречал не меньшее обожание и поддержку. В результате и в Германии и в России более всего пострадали меньшинства, отнюдь не причастные к генезису и культивированию этой преступной идеологии.

Ныне немцы оказывают огромную, всестороннюю, действительную помощь своим бывшим жертвам, евреям, отнюдь не оговариваясь (как это принято у нас) тем, что «мы за отцов

не в ответе». Сыновья, если это порядочные сыновья, по счетам отцов платят, их долги отдают — и молодые немцы каждое лето выезжают в Израиль строить дома для народа, пострадавшего от рук их отцов.

Можно, конечно, объяснить такую модель поведения даром душевного сострадания, чувством чести, «нетерпением сердца» и т. п. Но дело-то в том, что никакой это не дар в точном смысле слов. Немцев никто не **одаривал**, они сознательно выработали в себе эти качества, ужаснувшись содеянному, осознав факт страшного морального падения германского народа, не побоявшись сказать об этом перед лицом всего мира языком не только исторической науки, но и искусства («Доктор Фаустус» Т. Манна и мн. др.). Короче — они **покаялись**, вся Германия покаялась как Ниневия.

Не то у нас. Создается впечатление, что Россия никак не может уяснить себе, осознать тот факт, что большевистский геноцид — ее и только ее порождение, что в ответе за это преступление отнюдь не марксизм, как иногда утверждают (геноцид в Крыму начался до рождения К. Маркса), что пора, наконец отнести к себе слова старого русского философа о «личной нравственной ответственности и соборной народной вине» (Степун Ф., 19, II, 135) и — **покаяться**.

Дело ведь не только в том, что «пока нация, от лица которой осуществлялся геноцид, не покаялась или не понесла наказания, она способна повторить подобные преступления против человечности» (Габриэлян Г., 1992), хотя это опасение глубоко верно. Дело еще в том, что покаяние в «соборной народной вине» больше нужно самим русским, чем крымским татарам¹ — только оно способно отвести от России грядущие испытания и кары, чаша которых, судя по всему, еще не осудела.

И лишь после этого реальным видится следующий шаг по этому пути: восстановление целиком на средства российского народа всей довоенной ситуации в Крыму, начиная с государственного статуса национальной республики и кончая экономической, культурной и социальной структурами.

¹ В схожей ситуации Христос пророчески возгласил: «Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и детях ваших». (Лука. 23:28).

ПРИМЕЧАНИЯ

- Агурский Э. С., 1980 — Агурский Э. С. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.
- Анисимов Е. В., 1989 — Анисимов Е. В., Геополитика. Родина, 1989, № 12.
- Бердяев Н. А., 1990 — Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Бердяев Н. А., 1990 а — Бердяев Н. А. Духи русской революции Из глубины. М., 1990.
- Богословский М. М., 1940 — Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1.
- Бунегин М. Ф., 1927 — Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму. Симферополь, 1927.
- Бунин И. А., 1991 — Бунин И. А. Окаянные дни. Л., 1991.
- Возгрин В. Е., 1992 — Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.
- Вольфсон Б., 19 — Вольфсон Б. Присоединение Крыма к России в 1783 г. Исторический журнал, 1941, № 3.
- Габриэлян Г., 1992 — Габриэлян Г., Гавен Ю., 1992 — Гавен Ю. Октябрь в Крыму. Революция в Крыму, 1922, № 1.
- Галактионов И. В., 1979 — Галактионов И. В. Россия и Польша перед лицом турецко-татарской агрессии в 1667 г. Россия, Польша, Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979.
- Горький М., 1992. — Горький М. О русском крестьянстве. Час пик, 20. 01. 1992.
- Жигарев С., 1892 — Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI—XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). М., 1896.
- Ильин И. А., 1991 — Ильин И. А. О России. М., 1991.
- Кандымов Ю., 1991 — Кандымов Ю. Курултай. Как это было. «Авдет», 12. 04. 1991.
- Кантор К. М., 1992 — Кантор К. М. История против прогресса. М., 1992.
- Каргалов В. В., 1974 — Каргалов В. В. На стеной границе: оборона «крымской украины» «Русского государства в п. п. XVI в. М., 1974.
- Кондараки В. X., 1875 — Кондараки В. X. Универсальное описание Крыма. СПб, 1875, Т. XII.
- Кричинский А., 1919 — Кричинский А. Очерки русской политики на окраинах. Ч. 1. К истории религиозных притеснений крымских татар. Богу, 1919.
- Куропаткин А. П., 1919 — Куропаткин А. П. Задачи русской армии. СПб., 1919. Т. 1.
- Лызлов А., — Лызлов А. Скифская история. М., 1990.
- Люсый А., 1991 — Люсый А. Первый поэт Тавриды. Симферополь, 1991.
- Маркевич А. И., 1897 — Императрица Екатерина II и Крым. Известия Таврической Ученой Археологической Комиссии, 1897, № 27.

Маркевич А. И., 1910 — Маркевич А. И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества. Таврический Церковно-исторический Вестник за 1910 год.

Марков Е. Л., 1902 — Марков Е. Л. Очерки Крыма СПб., 1902.
Мертваго Д. Б., 1967 — Записки Д. Б. Мертваго (1760—1829). М., 1867.

Мордвинов Н. С., 1872 — Мнение о Крыме, поданное в 1802 г. адм. Н. С. Мордвиновым (об отводе безземельным степным татарам земли). Русская старина, 1872, февраль.

Миних Э., 1891 — Записки графа Эрнста Миниха, сына фальд-маршала, писанные им для детей своих в Вологде в 1758 г. Миних Э. Россия и русский двор в п. п. XVIII в. СПб., 1891.

Муравьев В. Н., 1990 — Муравьев В. Н. Рев племен. Из глубины. М., 1990.

Паламарчук П., 1991 — Паламарчук П. Г. Москва или Третий Рим? М., 1991.

Преловская Н., 1992 — Преловская И. Преступления войск НКВД при изгнании чеченцев и ингушей зимой 1944 г. Известия, 14. 03. 1992.

Рейснер Л. И., 1992 — Рейснер Л. И. Историческое общество как единство формационного и цивилизационного начал. Цивилизации. М., 1992, Вып. 1.

Рысс П., 1921 — Рысс П. Русский опыт. Париж, 1921.

Седов Л. А., 1989 — Седов Л. А. К истокам авторитарного сознания. Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.

Смирнов В. Д., 1887 — Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.

Соловьев С. М., 1862 — Соловьев С. М. Европа в конце XVIII в. Русский вестник, 1862, № 39.

Соловьев С. М., 1962 — Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962, Т. X.

Солоухин В., 1992 — Солоухин В. При свете дня. М., 1992.

Сперанский В., 1926 — Сперанский В. Религиозно-психологические наброски современной России. Путь, 1926, № 5.

Степун Ф., 1990 — Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990, Ч. II.

Струве П. Б., 1990 — Струве П. Б. Истинный смысл русской революции и национальные задачи. Из глубины. М., 1990.

Стулли Ф. С., 1894 — Стулли Ф. С. Собрание повестей и рассказов. СПб., 1894.

Трубецкой Е., 1992 — Трубецкой Е. Звериное царство и грядущее возрождение России. Час пик, 06. 01. 1992.

Ульяницкий В. А., 1883 — Ульяницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883, Ч. II.

Усов С. А., 1925 — Усов С. А. Историко-экономический очерк Крыма. Симферополь, 1925.

Фахри П., 1991 — Фахри П. Депортация началась в 1941 г. Авдет, 27. 12. 1991.

Федотов Г. П., 1992 — Федотов Г. П. Судьбы и грехи России. СПб., 1992.

Ферро М., 1992 — Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

Хартахай Ф., 1866 — Историческая судьба крымских татар. Вестник Европы, 1866, № 2; 1867, № 2.

Шестов Л., 1991 — Шестов Л. Что такое русский большевизм? Странник (Литература, искусство, политика). 1991. Вып. первый.

Шнейдер Д. С., 1930 — Шнейдер Д. С. Балаклава. Симферополь, 1930.

ИБ ПНУС

758250